

В тот же день после полудня Гао Линь с несколькими охранниками отправился в ближайший город Чанъань — заодно займёт зерна, да и лечебница Поместья Белого Журавля там была немалая, человек сто учеников на помощь выделить смогла бы.

А Лю Сюаньань, А-Нин и Чэн Суюэ должны были, переодевшись тремя братьями и сестрой, под видом приезжих лекарей отправиться в Город Алых Облаков выяснять правду.

А-Нин шёпотом спросил:

— А князь что будет делать?

Лю Сюаньань подумал и тоже тихо ответил:

— В штабе планы строить.

Хозяин и слуга дружно прыснули, как вдруг герой их шутки, «строящий планы в штабе», уже подошёл. В руке у него был свёрток, перевязанный кожаным шнуром, из которого торчали иглы и несколько пучков волос — выглядело жутковато.

Лян Шу спросил:

— Раньше менял облик?

Лю Сюаньань покачал головой.

Лян Шу сел напротив и приподнял ему подбородок тыльной стороной пальцев:

— Закрой глаза.

На лицо нанесли прохладную мазь. Лю Сюаньань слегка занервничал — без зрения как-то беспокойно. Он приоткрыл глаза и увидел, как Лян Шу берёт полупрозрачную маску.

— Из чего сделана? — спросил Лю Сюаньань. Такой тонкой и мягкой текстуры он прежде не видел.

Лян Шу, тщательно накладывая маску на его лицо, слегка тронул уголок губ:

— Прочёл больше десяти тысяч книг, прожил сорок восемь тысяч лет, а этого не знаешь?

— Читал о способах изготовления масок для смены облика, — честно ответил Лю Сюаньань, — но не в каждой книге описывали, как именно они выглядят.

Глядя на его длинные ресницы, Лян Шу вновь решил подшутить и сходу соврал:

— Из человеческой кожи.

— Ух! — воскликнул А-Нин и тут же придвинулся.

Лю Сюаньань не воскликнул, но сохранил такое же спокойствие, даже головой не повёл, лишь с любопытством спросил:

— Но свежеснятая человеческая кожа выглядит иначе, а со временем сереет и трескается. Эту, что у вас, каким особым способом обработали?

Лян Шу нахмурился:

— Сам снимал человеческую кожу?

— Нет, но видел, как отец проводил похожую операцию, — вспомнил Лю Сюаньань. — Тот человек, кажется, был мясником, лицо ему обварило кипятком. Отец снял кожу с его спины и пересадила на лицо. Я помогал её подержать.

Подержать кожу.

Спасать людей — дело благое, но зрелище, когда ребёнок держит в руках человеческую кожу, как-то не вяжется со счастливым детством. Князь Сяо задумался, не пересмотреть ли ему свои представления о жизни в Поместье Белого Журавля, но сейчас предпочёл сохранить достоинство, отмахнувшись от неудавшейся попытки напугать:

— Пошутил. Это свиная кожа, агар-агар да ещё несколько снадобий. Придворные шпионы так делают, в книгах такого не найдёшь.

Лю Сюаньань по-прежнему сидел, запрокинув голову, слегка хмыкнул, не выражая недовольства.

Лян Шу снова спросил:

— Человеческой кожи не боишься?

— Чего бояться? У всех она есть, — ответил Лю Сюаньань. — Если о крови говорить, то среди пациентов, приходящих в Поместье Белого Журавля, случаи и похлеще снятия кожи встречались. Все ученики уже привыкли. Даже А-Юань с подросткового возраста учился черепа вскрывать да кости соскабливать, ещё и скелеты таскал в...

Не договорив, он вдруг сообразил, что это, кажется, снова удачный повод отговорить от брака. Приоткрыв глаза, он попытался по выражению лица князя Сяо решить, стоит ли сестре таскать скелеты в гостиную или прямо к кровати. Но, увы, Лян Шу, похоже, не слушал, заканчивая маскировку: тыльной стороной пальцев аккуратно прижимал края маски, медленно спускаясь вниз, пока не коснулся родинки на кадыке:

— Готово.

Лю Сюаньань не почувствовал дискомфорта — напротив, было прохладно и приятно. А-Нин поднёс медное зеркало: обычное лицо, уголки глаз слегка опущены, губы потолще — действительно облик простоватого, честного человека. Не уродлив, но и не красавец, не такой, как в романах пишут: лицо одеревеневшее, черты искажённые.

— Сколько эту маску можно носить?

Лян Шу вытер руки:

— Трое суток, но лучше на ночь снимать, а утром снова накладывать. А-Юэ тоже будет в маске, она тебе поможет.

Новый облик Лю Сюаньаню понравился. Он щеголял в маске и на ветру, и на солнце, даже умылся, чтобы проверить, насколько крепко она держится. Чэн Суюэ же это не понравилось, и она пришла жаловаться Лян Шу: у господина Лю такая божественная статья, а повернулся —

такое бесформенное лицо, просто жуть. Князь, мол, слишком суров.

— И ты тоже боишься, — удивился Лян Шу. — Надо в Северо-западном военном лагере рассказать, чтобы свахи перестали восхищаться твоими «подвигами» вроде волка одной рукой прикончить.

— Эти свахи сами страшные, — Чэн Суюэ поспешно отступила на два шага. — Да и теперь, увидев господина Лю, я ещё меньше хочу замуж за мужчин из Города Полумесяца. Разница между ними — ну просто между божеством и волчьей стаей.

Вот те на: по сравнению с господином Лю остальные мужчины теперь и людьми-то считаются перестали. Лян Шу, глядя на её озабоченное лицо, безжалостно усмехнулся:

— За него замуж хочешь?

— За кого? За господина Лю? Нет, — ответила Чэн Суюэ. — Он слишком божественный, а я слишком земная. Свели бы нас — через несколько дней развелись бы.

Лян Шу рассмеялся:

— Увидела красивого мужчину — уже до развода додумалась. А я-то думал, ты замуж не хочешь, а ты, гляди, как активна.

— Да нет же, правда, — Чэн Суюэ изо всех сил пыталась объяснить разницу, но книг в голове маловато, и через силу выдавила лишь: «Любоваться можно, а прикасаться — нет». Звучало это, впрочем, как слова малограмотного хулигана, который, приставая к молодой, ещё и стишок ломаный продекламирует — полная бессмыслица.

Когда она уже покраснела от смущения, князь Сяо наконец сжалился.

...

Лю Сюаньань аккуратно снял маску и принялся разглядывать её на свету. Краем глаза заметив, что Чэн Суюэ закончила разговор с Лян Шу и направляется к нему, он окликнул её, чтобы уточнить детали.

Лицо Чэн Суюэ всё ещё было розовым. Увидев это, Лю Сюаньань с беспокойством спросил:

— Жар?

— Нет, — поспешно замахала она руками. — Я не чумой заболела. Это князь... То есть не князь заболел, просто он меня разозлил. Только что говорил, будто я за тебя замуж хочу.

Лю Сюаньань рассмеялся:

— Сказала бы, что не хочешь, и всё. Зачем до красноты доводить себя?

— Наш князь иногда очень бесит, — Чэн Суюэ села на камень, помогая ему поправить маску. Через некоторое время спросила:

— Господин Лю, а за какую девушку ты бы женился?

Лю Сюаньань подумал и сказал:

— За любую.

Чэн Суюэ опешила. Даже кузнец из Города Полумесяца, выбирая невесту, десяток требований выдвигал, а господин Лю — такой равнодушный:

— Даже если некрасивая?

— Конечно. «Если добродетель высока, о внешности забывают». Красива она или нет — для меня разницы нет, всё едино.

— А если бы император тогда принцессу разрешил, ты бы согласился? — Чэн Суюэ понизила голос почти до шёпота.

Лю Сюаньань кивнул:

— Согласился бы. Воля императора непреложна.

Он не стремился к жизни и не страшился смерти, да и жениться на принцессе особо не хотел, но лень-то победила: лень было указ послушаться. Да и особой привязанности ни к кому не было, так что жениться — можно. После свадьбы, если жить получится — живём, не получится — разойдёмся, вещи соберу и назад в Город Белого Журавля, на диван, — всё возможно.

Столь причудливых взглядов на брак Чэн Суюэ никогда не слышала:

— Разве ты не хочешь найти того, кого по-настоящему любишь?

<http://bllate.org/book/16268/1464126>